

Всероссийская олимпиада школьников по литературе 2019-2020 г.
Муниципальный этап 10-11 класс

№1	№2	№3	№4	№5	Всего
2	4	2	70	20	98

Задание 1. Вспомните название повести (2 балла)

Эта повесть А.С. Пушкина интересна изображением роковых последствий романтического, но игнорирующего интересы других людей сознания. В ней живет некая тайна, преподан урок христианской заповеди «Не убий!». Герои одинаково упрямы в желании истребить друг друга. От верной гибели их спасают случайность и насыщенное самолюбие.

Задание 2. Назовите произведение. (4 балла)

В творчестве М.А. Булгакова есть раннее произведение, в котором заявлены мотивы и образы многих будущих повестей и романов: образ знакомого всадника; жгучая тоска в сумерках без сна; образ безумца в сумасшедшем доме; образ дома с партитурой «Фауста» на рояле; тема братьев и образ матери; являющиеся призраки и большая совесть; гражданская война и преступления.

Задание 3. Определите писателя по описанию. (2 балла)

Небогатый дворянин, перепробовавший множество профессий – от волжского бурлака до писателя. Благодаря невиданной силе легко разгибал подковы и поэтому спокойно и безнаказанно посещал самые опасные места. Художник И.Е.Репин использовал его образ при создании портрета одного из казаков, пишущих письмо турецкому султану, а скульптор Н.А.Андреев вылепил с него Тараса Бульбу – фрагмент барельефа памятника Н.В.Гоголю.

Задание 4. Целостный анализ текста (70 баллов) Выберите ОДИН из предложенных вариантов

Вариант 1. Выполните анализ произведения **Андрея Рубанова «Слинг-папа».**

Вы вправе самостоятельно выбрать методы и методики анализа, однако должны реализовать в работе системный научный подход, представить истолкование произведения, приближающее вас к авторской позиции и глубинному смыслу текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст. (65 баллов).

Речевое оформление работы – 5 баллов.

При наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трёх ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Она проходит мимо вас, но на вас не смотрит: сосредоточена на ребёнке.

Дело происходит обычно летом. На ней макси-юбка и какая-нибудь кофта, на голове часто косынка. Лицо точёное, неглупое. Или бледное, или, наоборот, яблочный румянец. Глаза пронизательные. Обувь без каблуков, сандалеты, плетёные кожаные ремешки. А младенец – привязан к груди, замотан в кусок цветастой ткани, хитрые узлы вокруг и крест-накрест. Обнимает руками и ногами, уткнулся в мамку. Повернув голову набок, смотрит на вас: спокойный, благополучный; чтоб я так жил.

Каждый хоть раз видел такую девушку.

Я шёл с беременной женой, и увидел, и показал глазами.

– Это называется "слинг", – сообщила жена.

– Матерь Божья, – сказал я. – У этого, оказывается, даже есть название. Я думал, надо просто взять старую простыню или скатерть. И оторвать половину.

Жена рассмеялась с глубоким презрением к моему невежеству.

– Не трожь святое, – ответила она. – Если я нормально рожу, я тоже буду носить ребёнка в слинге. Тогда ты всё узнаешь.

Дочь родилась в начале октября. Спустя несколько часов жена прислала мне из роддома первую фотографию. Младенец выглядел как магистр Йода. Из верхней половины смятого, сморщенного личика смотрели бесконечно умные глаза без зрачков.

Спустя несколько дней Йода исчез, дочь переродилась в тугого розового пупса, который глядел сквозь меня и осторожно водил перед собой руками, пытаясь потрогать кого-то. Мы звали его "существо".

Оно, наверное, воспринимало родителей как некие облака, – но было заметно, что, кроме большого и тёплого мамы-облака, и меньшего по размеру, резко пахнущего папы-облака, вокруг него вращались, наблюдая и посылая сигналы, многие другие облака; младенцы видят духов. Едва пришедшие с той стороны, они ещё имеют прочную связь с тонким миром. Они наполовину ещё там, в нигде, за началом, за нулевой отметкой.

По мере продвижения вперёд – два месяца, три месяца – существо стало ориентироваться, активно сигнализировать, выражать своё мнение. Однажды я услышал возмущённое пыхтение – и, зайдя в детскую, увидел: жена привязывает ребёнка к себе. Огромные – метр на два – разноцветные куски ткани были разложены повсюду. Обкрученная, обмотанная дочь выглядела озадаченной.

– Ей пока не очень нравится, – сообщила жена.

– Есть же специальные рюкзаки, – сказал я. – Сунул, застегнул замок – и пошёл.

Не отрываясь от своего занятия, жена произнесла:

– Никогда не говори слинго-маме про рюкзак. Я женщина, я хочу наряжаться. Выглядеть. Что такое рюкзак? Зачем все эти лямки и ужасные железные крючки? Как я могу носить эти лямки и крючки? Я же не парашютистка!

И она наконец затянула нужные узлы, образовав с дочерью единое целое. Дочь притихла.

– А самое главное, – сказала жена, – рюкзак плохо распределяет нагрузку. А слинг – идеально. В слинге ребёнок словно парит. В точности как в утробе. Потрогай, проверь.

– Ещё чего, – сказал я. – Обойдётесь как-нибудь без меня.

– Не обойдёмся, – ответила жена. – Самые серьёзные слинго-мамы – это те, кто имеет рядом слинго-папу.

– Отпадает, – сказал я. – У меня нет титек. Ребёнок должен тыкаться носом в мягкое и тёплое. А у меня – шкура и арматура. И седые волосы. И запах табака. К тому же я никогда не разберусь в этих узлах. На меня не рассчитывай. Даже не думай.

Ребёнка растили по системе "всё время на руках". Жена подняла горы информации и регулярно зачитывала мне цитаты из книги о некоем полудиком племени, живущем в джунглях южноамериканских джунглей: эти ребята приучали младенцев висеть на матерях и отцах. Если верить авторам книги – дети выросли спокойными и крепкими. Хотя, в общем, если б я родился и вырос в джунглях – наверняка тоже был бы спокойным и крепким. Тягал бы с веток папайю, пил из ручья и вместо железобетонной коробки ночевал под навесом из пальмовых листьев, в обнимку с домашними животными, и они лизали бы шершавыми языками мои пятки; клянусь Богом, я становлюсь крепче и спокойнее от одной мысли об этом.

Никаких кормлений по расписанию. Никаких сосок. Конечно, жена была права. Детёныш должен держаться как можно ближе к матери. Маленькие дети обезьян висят на своих меланхолических мамашах, то в живот вцепится, то в спину, что может быть проще? Чадо, пребывающее на руках взрослого, поневоле участвует во взрослой жизни, слышит взрослые разговоры и наблюдает за действиями взрослых. Ну и разумеется, энергия: ребёнок – мощный генератор всех положительных энергий, какие только существуют. Сияющая от удовольствия дочь взирала на мир с высоты полутора метров. Трое взрослых – мать, бабка и примкнувший к ним отец – превратились в её личных биороботов. Дочь мяукала – ей давали есть. Она кряхтела – её несли качать.

Тёща – основной апологет концепции – умела держать ребёнка одной рукой, а второй рукой без усилий готовила обед из трёх блюд. Она вырастила двух дочерей, а затем – после некоторого естественного перерыва – ещё двоих внуков. Однажды на кухне я увидел, как тёща, одной рукой прижимая к себе младенца, второй помешивала в кастрюле – и вдруг из складок одежды появилась третья рука, чиркнула спичкой и зажгла ещё один огонь на плите. Это впечатляло. Многие умные и

талантливые люди после тридцати-сорока лет активной жизни умеют открывать третий глаз или отращать третью руку, теоретически я это знал – но видел впервые.

К началу зимы разноцветные тряпки стали появляться во множестве. Жена вступила в бурную переписку с единомышленницами. Теперь у входной двери висела слинго-куртка. То есть обычная зимняя куртка, имеющая слинго-вставку. Слинго-мама приматывала к себе дитя, облачалась в слинго-куртку, застёгивала слинго-вставку и шла на прогулку. То есть, разумеется, на слинго-прогулку. Понятно, что слинго-мамы презирали коляски: зачем ребёнку уныло и одиноко пребывать в четырёхколесной коробке, если можно греться теплом матери и общаться – глаза в глаза – с расстояния в тридцать сантиметров?

Я переживал благополучный период, писал сценарий для огромного фильма из древнерусской жизни. Половина моего сознания находилась в X веке, когда всякий мужчина мечтал примкнуть к дружине какого-либо князя, выколачивать из данников куны и в конце концов умереть на поле боя зрелым и многоопытным дядькой тридцати пяти лет. Выныривая, после нескольких часов работы, из X века в настоящее время, я всему умилился. Увлечение жены привязными способами материнства сместило меня.

– А зачем, – спрашивал я, – выписывать каждый новый слинг из Шотландии? Нельзя ли добывать товар где-нибудь поближе? И вообще, зачем их так много?

– Это не много, – отвечала жена. – Это мало. Учти, я не крутая слинго-мама. Начинаящая. У девушек бывают стопки по сорок-пятьдесят шарфов. Хочешь – покажу фотографии. У нас есть сообщество в Интернете. Закрытое, естественно.

– Зачем же я буду смотреть, если – закрытое?

– Тогда поверь на слово. Слинго-шарф нельзя сшить. Его ткут вручную. Ткань тянется только по диагонали. Рисунок, цвет – всё должно быть разное. Когда ты видишь слинго-мату, ты смотришь в первую очередь на слинг. Это главный элемент одежды. Их должно быть как платьев – несколько.

– А когда младенец вырастает?

– Для слинго-мамы не проблема носить ребёнка в пятнадцать килограммов.

– А дальше?

– Дальше слинго-мама выходит на слинго-пенсию. Обычно, если возраст позволяет, она рождает ещё одного ребёнка. И всё повторяется. Поэтому стопка собирается всю жизнь. Смотри – вот чёрный, с черепами и костями, для плохого настроения. Это – пляжный вариант. Весёленький, правда? Это – короткий, чтоб быстро в машине замотаться и дойти до дома... Это кислотно-галлюциногенный, для особых случаев... Эти мне разонравились, я их продам...

Продажа происходила по почте. Предварительные переговоры – через Интернет. Неблагонадёжные продавцы и неплатёжеспособные покупатели попадали в чёрный список и подвергались остракизму. Я предложил супруге помощь: ходить на почту вместо неё.

– Ха, – ответила она. – Какой наивный. Ты не всё понимаешь. Слинго-мама – высшее существо. Она везде проходит без очереди.

Их было меньше, чем филателистов и альпинистов. Меньше, чем коллекционеров антикварного огнестрельного оружия и любителей конных путешествий по Горному Алтаю. Меньше, чем владельцев автомобилей "бугатти". Меньше, чем русских писателей. Девушки создали даже не касту, не тайный орден – целую миниатюрную вселенную, где существовали только матери, дети и надёжно связывающие их куски домотканого полотна. У них были свои адреса сходок, свои правила продажи и обмена. Они могли убить за свои убеждения. Они знали: лучший ребёнок – это ребёнок, обнявший мать. Лучшая мать – это мать, прижавшая чадо к себе. Это была такая форма не материнства, а любви вообще: держать любящих и любимых как можно ближе.

И естественно, среди избранных слинго-мам существовал разряд best of the best. Самые мощные, непобедимые, могущественные слинго-мамы действовали в паре со слинго-папами.

Итак, однажды жена выдала мне слинг и значительно посмотрела в глаза.

– Сзади делаешь крест-накрест, спереди – поперёк. И пропускаешь под ноги ребёнка...

– Нет! – вскричал я. – Мне надо работать на двух работах! Я должен писать по пять часов в день! Я много курю!

Но спорить было бесполезно: жена закончила Институт кинематографии и сняла свой первый фильм в двадцать два года. На протяжении нескольких месяцев единолично командовала съёмочной группой, то есть дикой шайкой из пятидесяти творческих особей, каждая из которых желала самовыражения.

– Мы договаривались, – проскрежетала супруга. – Ты сам говорил, что не просто муж, а единомышленник!

– А вот чеченские мужчины вообще не берут детей на руки. Спартанское воспитание. А в Советском Союзе детей приучали к дисциплине и коллективу с первого дня рождения...

Но супруга только сверкнула глазами.

– Я не воспринимаю демагогию. Повторяю: сзади крест-накрест, спереди поперёк.

Меня принудили освоить азы слинго-техники и правила слинго-безопасности. Однажды я впервые самостоятельно приторочил к себе шестикилограммовое существо. О том, чтобы выйти на улицу, не могло быть и речи. Младенец сучил конечностями и прилачился сосать отцовскую ключицу. Затем уснул.

– А ходить как? – шёпотом спросил я. – На цыпочках?

– Ни в коем случае, – ответила жена. – Ты не предпринимаешь никаких особенных действий. Делай что хочешь. Разговаривай в полный голос. Ребёнок – не помидор, ему не нужна теплица.

Я совершил несколько пробных рейсов, из кухни на балкон и обратно – и это было откровение. X век, иззубренные мечи, человеческие жертвоприношения – ерунда; во мгновение ока я продвинулся ещё дальше, в мутные, бесконечно древние эпохи, когда люди едва умели стоять на задних лапах. Вокруг меня завыл и заворочался враждебный, заросший чёрным лесом внешний мир. Зарычали саблезубые тигры. Протрубили мамонты. Дочь крепко схватила меня за волосы на груди и уткнулась мокрым, тёплым лицом, я чувствовал её лоб, губы, дёсны, твёрдые младенческие ноздри, жаркие дуновения её выдохов и биение сердца – рядовой самец вида млекопитающих двуногих прямоходящих, я выполнил задачу, возложенную на меня Богом. Я дал потомство. Перенёс в будущее свой генный набор.

В сорок три года невозможно фиксироваться на своём отцовстве. Прежние хлопоты никуда не исчезают. У меня был взрослый сын от первой жены, дырявые зубы, увесистые долги. У меня тяжело болела родная сестра, у меня ухудшилось зрение. Я весил шестьдесят два килограмма. От ежедневного – без выходных – сидения за компьютером я стал сутулиться и на фотографиях напоминал средней руки диссидента, вернувшегося домой после пяти лет лагерей.

Каждую ночь мне снились широкогрудые древнерусские воины в смазанных жиром кольчугах, деревянные кумиры Перуна и Велеса и двадцатилетний князь Владимир, оригинальный представитель своего яркого времени, ныне при численный к лику святых: удавил родителей жены, зарезал брата, извёл бессчётное количество простолюдинов – и через реки крови привёл соплеменников в христианство. Жизнь человека ценилась дёшево, раба меняли на взрослого козла. Я смотрел в глаза дочери, – она всё ещё была подключена к потусторонней реальности, вокруг неё кружились демоны и тени предков, и дважды в месяц она страшно кричала во сне; я всматривался – и видел там тысячу минувших поколений; предки подпрыгивали и рычали, выкусывали блох, швыряли камни, обгладывали кости, вонзали друг в друга ржавые ножи, снимали скудные урожаи, изобретали паровые машины, многозарядные винтовки, луноходы – и одновременно с этим исправно и непреложно переставляли самоё себя на тридцать, сорок, пятьдесят лет вперёд: гении, болваны, великие полководцы и полярные лётчики, эффективные менеджеры и крепкие хозяйственники, тираны и демократы, почвенники и западники, святые и грешники, русские и узбеки, чеченцы и якуты занимались тысячей разных дел; но однажды щёлкала Большая Кнопка – и каждый рожал себе подобного.

Жена привязывала дочь к груди и к спине, носила её дома и на улице, кормила на ходу и сильно похудела. Чтобы существо не скучало, ему были куплены слинго-бусы – взрослый вешает их на шею, а младенец, соответственно, тербит и гложет, разминая дёсны.

Существо признавало только физический труд: если родитель готовил поесть, или убирался, или шёл в магазин – привязанная дочь помалкивала, ибо соучаствовала. Но сидеть за компьютером с нею на руках было невозможно. В присутствии младенца интеллектуальная и творческая энергия не высвобождалась. Работа мозга требует полного сосредоточения – а сверхчувствительный, нежно сконструированный младенец предпочитает, чтобы взрослый уделял ему хотя бы часть внимания. Я стал работать меньше и быстрее. Деловые встречи длились не более получаса: в определённый момент я объявлял себя отцом новорождённой дочери и уходил.

К началу лета я превратился в полноценного слинго-самца. Выходя из дома по любой надобности, я приматывал существо к себе – и оно наслаждалось. Оглашало округу воплями радости и пыталось петь песни. Жена провела собеседование: могу ли я выдержать слинго-прогулку длительностью в два часа? Могу ли быстро размотать шарф – и тут же примотать? Я мог.

– Теперь ты готов, – сказала жена. – Завтра утром пойдёшь со мной. Тебе понравится.

Я знал, куда мы идём. Каждое воскресенье адепты тайного ордена собирались в "Старбаксе" возле метро "Фрунзенская". Наивные граждане, возжелавшие в такое время посидеть за столиком с книжкой или ноутбуком, обычно приходили в ужас и исчезали. Кафе заполнялось детскими воплями. Слинго-мамы, все как одна физически крепкие, румяные, мускулистые, напоминающие героинь сталинского имперского кинематографа, появлялись, обвешанные гроздьями детей всех возрастов, и оглашали пространство приветственными междометиями. Годовалые дети привязывались к спине, полугодовалые – к груди, а выросшие, трёх- и четырёхлетние путались под ногами. Тут и там свободно извлекались розовые груди, и слинго-младенцы питались, не отходя от кассы. Царило полное равноправие, одни сектантки приезжали на метро, других привозили на чёрных "мерседесах" личные шофёры. Робкие мужья жались по углам, периодически их выдёргивали в центр сборища и предьявляли. Дети визжали, пукали и опрокидывали стулья. Мелькали пелёнки и памперсы. Я выдержал почти десять минут, после чего сбежал под благовидным предлогом: покурить. Для слинго-отца сигареты – спасение, на это указывал ещё Довлатов.

Но жена оказалась права, мне понравилось. По крайней мере, слинго-конференция не выглядела парадом дорогостоящих колясок. Почти все слинго-мамы были веселы, свирепы и бесконечно уверены в себе. В прошлой жизни многие считали себя неудачницами, ходили на низкооплачиваемые работы, жили в тесных квартирах, набитых нелепыми родственниками. Другие пытались стать бизнес-леди и зарабатывали на этом невроты. Затем погружались в материнство – и оно давало им ощущение реализованности. Жизни, проживаемой ярко и полноценно. Прижатый к телу ребёнок стимулировал выработку гормонов удовольствия, – и вот женщины прощались с работами, карьерами, профессиями и рожали одного за другим, пока позволяло здоровье. Отборные слинго-шарфы хранились десятилетиями, пока наконец в сорок лет мать троих или четверых детей не выходила на слинго-пенсию.

Дети были деловые, благополучные и довольно красивые. Сверхновое поколение, путинский беби-бум. Китайские игрушки, американские мультфильмы, японские памперсы. Детей звали – Ариэль, Елисей, Одиссей, Север, Савва, Кузьма, Миклуха и т. п. Я смотрел и думал – чем они займутся, какой станет планета, когда они возьмут в руки рули, рычаги и штурвалы? Большинство из них, по идее, должно было дожить до следующего столетия. Ариэли и Миклухи были не просто дети, но первые люди XXII века, – глядя на них, я возбуждался. Хотелось привязать дочь покрепче, чтобы в первый – и главный – год своей жизни она пропиталась мною, чтобы установилась связь; чтобы она не только сама попала в будущее, но и как-нибудь втащила меня, пусть уже умершего, стёртого с лица земли, но ещё привязанного узлами, на спине крест-накрест, спереди поперёк.

Оставив супругу наслаждаться общением, я пошёл домой. Утомлённая шумом, дочь притихла и налаживалась спать. Какая-то крепкая старуха в кедах без шнурков увидела меня издали, остановилась и сурово сдвинула остатки бровей.

– Цыган, – произнесла она. – Что ж ты над ребёнком издеваешься? Привязал, как мешок с сахаром! А ну, стой здесь. Вдруг ты его украл? Щас милицию позову.

– Успокойся, бабуля, – ответил я. – Это моя дочь. Смотри, как похожа.

– Погоди, – сказала старуха. – Очки достану.

Я подождал.

– Э-э-э, – сказала дочь. – У-у-у.

– Да, – сказала старуха. – Похожа. Проклятые коммунисты, продали буржуям страну...

Теперь на улицу не выйдешь. Кругом одни цыгане. Иди с Богом.

2019

Вариант 2. Выполните анализ стихотворения **Дмитрия Кедрина «Бессмертие».**

Вы вправе самостоятельно выбрать методы и методики анализа, однако должны реализовать в работе системный научный подход, представить истолкование произведения, приближающее вас к авторской позиции и глубинному смыслу текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст. (65 баллов).

Речевое оформление работы – 5 баллов.

При наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трёх ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов

Кем я был? Могильною травой?
Хрупкой галькою береговою?
Круглобоким облачком над бездной?
Ноздреватую рудой железной?

Та трава могильная сначала
Ветерок дыханием встречала,
Тучка плакала слезою длинной,
Пролетая над родной долиной.

И когда я говорю стихами —
От кого в них голос и дыханье?
Этот голос — от прабабки-тучи,
Эти вздохи — от травы горючей!

Кем я буду? Комом серой глины?
Белым камнем посреди долины?
Струйкой, что не устает катиться?
Перышком в крыле у певчей птицы?

Кем бы я ни стал и кем бы ни был —
Вечен мир под этим вечным небом:
Если стану я водой зеленой —
Зазвенит она одушевленно,

Если буду я густой травой —
Побежит она волной живою.
В мире всё бессмертно: даже гнилость.
Отчего же людям смерть приснилась?
1938

Задание 5. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (20 баллов)

Прокомментируйте отрывок из книги Юрия Олеши «Ни дня без строчки». С какими идеями авторы вы бы согласились, а какие бы опровергли? Обоснуйте свое мнение, подтвердите его высказываниями известных поэтов и писателей. К какому жанру, на ваш взгляд, относится это произведение, обоснуйте свою точку зрения. Ваша работа должна представлять цельный, связный, завершённый текст. Объём работы – 150-200 слов.

Современные прозаические вещи могут иметь соответствующую современной психике ценность только тогда, когда они написаны в один присест. Размышление или воспоминание в двадцать или тридцать строк, максимально, скажем, в сто строк – это и есть современный роман.

Эпопея не представляется мне не только нужной, но вообще возможной.

Книги читаются сейчас в перерывах – в метро, даже на его эскалаторах – для чего ж тогда книге быть большой? Я не могу себе представить долгого читателя – на весь вечер. Во-первых, миллионы телевизоров, во-вторых, надо прочесть газеты. И так далее.

Пусть я пишу отрывки, не заканчивая, но я все же пишу! Все же это какая-то литература – возможно, и единственная в своем смысле: может быть, такой психологический тип, как я, и в такое историческое время, как сейчас, иначе и не может писать – и если пишет, и до известной степени умеет писать, то пусть пишет хоть бы и так.

Главное свойство моей души – нетерпение. Я вспоминаю, что всю мою жизнь я испытывал мешавшую мне жить заботу именно о том, что вот что-то надо сделать и тогда я буду жить спокойно. Эта забота рядилась в разные личины: то я предполагал, что это «что-то» – это роман, который надо написать, то это хорошая квартира, то очередное получение паспорта, то примирение с кем-либо, – на самом же деле это важное, что надо было преодолеть, чтобы жить спокойно, была сама жизнь. Таким образом, можно свести это к парадоксу, что самым трудным, что было в жизни, была сама жизнь – подождите, вот умру, и тогда уж буду жить.

Между тем я всегда был оптимистом и очень любил жизнь. Я до сих пор помню то наслаждение, которое я испытывал, вдыхая запах свежеекрасенных зеленой краской дощечек, на которых я собственноручно выводил белилами имена лошадей, над чьими стойлами должны были красоваться эти дощечки... Масляная краска вдвухала в тело здоровье. По всей вероятности, так пахнул именно скипидар. А лошади? Видел ли я их? Не помню. Лошадей я и не приметил. Я видел только дощечки цвета луга и белые, почти колбасками возвышавшиеся над плоскостью дощечки буквы. Я исполнял эту работу как любитель, как мальчик, которому разрешили делать нечто сверхжеланное...

Ничего не должно погибать из написанного. А я писал карандашом на клеенке возле чернильницы, причем в чужом доме, писал на листках, которые тут же комкал, на папиросной коробке, на стене. Не марал, а именно писал вполне законченно, работая над стилем. Хорошо бы вспомнить, что писал.

Помню отрывок об Эдгаре По – как его несут подобранного в сквере с волочащимся по земле краем пальто. Помню по поводу писем Ван-Гога – какой он скромный, как в своей скромности уговаривает он брата, что в конце концов и он мог бы заниматься живописью – подумаешь! Помню о том, что моя заветная мечта – сделать сальто-мортале. Еще целый ряд отрывков. Есть где-то в папках Гершель, поднимающийся с гостем в обсерваторию, затем мое, гимназиста, удивление по поводу того, что латынь это не что иное, как язык древних римлян. Еще раньше – отрывок о том, как умер от скарлатины гимназист Володя Долгов и мы пришли на похороны, как мы шли по переулку и, казалось, церковь идет нам навстречу. Там же об окне, раскрытом среди зимы, по которому вьется, вылетая из него, занавеска, чем-то напоминающая рыдание – образ смерти. Еще много отрывков, картин, набросков, мыслей и красок.

Нужно сохранять все. Это и есть – книга.

Иногда приходит в голову мысль, что, возможно, страх смерти есть не что иное, как воспоминание о страхе рождения. В самом деле, было мгновение, когда я, раздирая в крике рот, отделился от какого-то пласта и всунулся в неведомую мне среду, выпал на чью-то ладонь... Разве это не было страшно?

Если уж начинать писать книгу о своей жизни, то следовало бы первую главу посвятить тому удивительному обстоятельству, что я не был все время одинаковым, а менялся в размерах. Даже не мешало бы вспомнить и о том, что меня вообще не было.